КАРА КАРАЕВ. ТРЕТЬЯ СИМФОНΙΑ

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

16 ОКТ 1965

В ЭТОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ все необычно, начиная с властных оркестровых «перестуков» первой части и до самой последней ноты в вопросительно оканчивающемся финале. Пожалуй, вы даже не сразу отладите себе отчет в том, что эта музыка захватила вас. Вы еще долго будете сопротивляться, пытаться найти здесь привычные точки «слуховой опоры»: ведь формально это обычный четырехчастный симфонический цикл. Потом вы наверняка решитесь сказать сакраментальную фразу: «Интересная музыка». (Это означает, что вы уже частично сдались). И, наконец, когда вы поймете внутреннюю логику этой музыки, поймете, почему автор поступает так, а не иначе, почувствуете его «видение» мира, вы окончательно капитулируете. Но в этой сдаче — не поражение, а победа...

Кара Караев является сейчас одним из наиболее известных наших композиторов. Ему сорок шесть лет. Это невысокий, темноволосый, смуглый человек в толстых роговых очках, скрывающих пронизательный, умный взгляд. Имя его отлично известно самой широкой публике в основном вследствие успеха двух его балетов — «Семь красавиц» и «Тропой грома», поставленных многими театрами страны. Перу Кара Караева принадлежат также вокальные и камерные произведения, музыка для театра и кино, «Ноктюрны» на стихи Ленгстрона Хьюза, поэма «Лейли и Меджнун», симфонические гравюры «Дон Кихот», симфонии. Караев очень тщательно вынашивает свои замыслы: произведения его созревают долго и трудно. Форма сочинения, отточенность мысли — предмет особых забот Кара Караева. В молодые годы

он был иногда многословен — недостаток, простибельный начинающему художнику и в какой-то мере испулавшийся у Караева сочностью, полнокровностью красок, непосредственностью высказывания... Сейчас композитор экономен. Лакоизм, емкость содержания. Ни одного лишнего такта, ни одной музыкальной фразы, которая не была бы внутренне безусловно необходимой. Это — самоограничение зрелого мастера, знающего цену каждой детали.

Симфония Кара Караева невелика по размерам — четыре части по шесть минут каждая. Необходимый и, кстати, блистательно используемый минимум оркестровых средств — струнные, рояль, клавесин, валторна, деревянные духовые...

Симфония Караева кажется причудливой арабеской, вольной фантазией автора. Но только на первый взгляд. На самом деле она отражает какие-то существенные стороны действительности, зорко подмеченные художником и воплощенные в музыкальных образах исключительной яркости и рельефности.

Если каждое крупное современное сочинение — это рассказ «о времени и о себе», то симфония Караева гораздо больше повествует «о времени», чем о душевном мире героя, о чувствованиях самого автора. Впрочем, слово «повествует» было бы не совсем точным для этой музыки. В ней есть что-то от репортажа, очерка, документального фильма. Точно схваченные детали. Необычность ракурса. Умение фиксировать мгновение. Не хаотическое нагромождение случайно подмеченного, а художественное обобщение.

Симфония насыщена разнообра-

нейшими ритмами. И здесь, как мне кажется, многое идет от желания автора (вольного или невольного) воплотить «звуковую атмосферу» современного нам мира, напряженную атмосферу труда, созидания...

Невольно возникает параллель с точной и «умной» работой современных машин. Впрочем, здесь нет оттенка холодного автоматизма

или враждебности человеку — композитор воспринимает «машинный мир» с теплотой и симпатией. Он чувствует здесь своеобразную красоту и поэзию — поэзию логической теоремы, соразмерности частей и целого, дисциплины, рабочего пульса...

Интересным моментом симфонии Караева является своеобразная «интеллектуализация чувств». Это особенно заметно в музыке третьей части. Композитор насыщает лирику этого «современного ноктюрна» напряженной мыслью. Писать такую психологически тонкую, медленную музыку очень трудно — «чуть-чуть» изменит чувство меры, и красота большого искусства исчезнет. Караев обладает этим необходимым чувством меры, присущим большому таланту.

Симфония Караева камерная. Она написана для оркестра Рудольфа Баршая. Камерная она и по своему духу, складу. Автор сознательно избирает именно такой масштаб для «отсчета времени и пространства». А характер музыки и средства, которыми пользуется здесь автор, ставят эту симфонию, по моему твердому убеждению, в число произведений принципиально новаторских.

Является Третья симфония Кара Караева поиском, экспериментом? Да, конечно. Но композитор не только ищет — многое он уже нашел. Он рассказал о своих мыслях и стремлениях, и сделал это хорошо. И пусть произведение это сложно по своему образному строю и музыкальному языку. Это сложность большого и глубокого искусства, сложность, которую имеет смысл преодолеть слушателю, ибо она открывает новые горизонты.

Арк. ПЕТРОВ.